

Анатолий Шинкин

Уставший от эротики бездумной

Лучшие рассказы инета

Анатолий Шинкин

**Уставший от эротики бездумной.
Лучшие рассказы инета**

«Издательские решения»

Шинкин А.

Уставший от эротики бездумной. Лучшие рассказы инета /
А. Шинкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748333-3

Чтение книги, как и всегда у Анатолия Шинкина, создает настроение читателя; ведет за собой от веселья к грусти, от радости к задумчивой печали. Открывает читателю чудное и необычное в жизни, показывает неожиданное в повседневном. Всякая жизнь — это бесконечное преодоление всего и вся. Росток вначале прорывает оболочку, потом пробивается сквозь слой земли — жизнь началась с борьбы, а казалось бы, растение.

ISBN 978-5-44-748333-3

© Шинкин А.
© Издательские решения

Содержание

О людях труда	6
Семнадцатый не состоится	6
Включай характер, Борода	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Уставший от эротики бездумной
Лучшие рассказы инета
Анатолий Алексеевич Шинкин**

© Анатолий Алексеевич Шинкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О людях труда

Мужик должен уметь гвоздь забить, но жизненный опыт подсказывает, что наиболее успешны не умеющие держать молоток. Очевидно, «масло» в голове важнее молотка в руках

Шимон

Совы трудоспособны вечером, жаворонкам работа милее с утра, и только дятел безостановочно с утра до ночи

Шимон

Семнадцатый не состоится

*Что-то сломалось в жизни, если люди
не только после грубого слова,
после воровства руки мыть перестали.*

Шимон

Полупрозрачная капля машинного масла на серебристой поверхности металла заворачивала, притягивала взгляд, и пожилой, по-мальчишески стройный сверловщик, по цеховому обращению Боря Иваныч, не удержался. Коснулся кончиком мизинца, поднес к губам и слизнул, ощутив едва слышный привкус железа.

До восьми утра – начала смены – оставалось еще несколько минут, и механический цех радовал последними мгновениями тишины, чистоты и неподвижности дремлющих в ожидании напряженной работы станков.

Десяток разноразмерных сверловочных агрегатов Бори Иваныча стояли вдоль колонного ряда, заправленные стопками заготовок фланцев в кондукторах – приспособлениях для точной направленной сверловки.

Каждый из станков-агрегатов имел свой характер-норов и свою историю. С мощным трофейным «немцем» и отечественным «Нижегородцем» Боря Иваныч почти сорок лет тому начинал свою рабочую биографию на авиазаводе. Учился сам и учил других, практикантов из заводского ПТУ, радости красивой и точной работы.

– Попробуйте продавить, – протягивал, любовно поглаживая маслянисто взблескивающую металлическим отливом заготовку, мальчишкам. – Ничего не получится. Не под силу человеку вручную совладать с железом; но сталь отточенного сверла мгновенно разрушает девственную пелену, и вы невольно...

– Чувствуете себя Богом, – заканчивал ломким юношеским баском обязательный в группе ПТУшников насмешник.

– Не Богом, но близко к тому, – снисходительно улыбался тогда еще Борис. – Ваш станок – ваше оружие, простое, надежное, как автомат Калашникова. Все переключения, перемещения, срабатывания «по щелчку». И враг будет разбит, и победа будет за нами.

При словах «автомат Калашникова» разгорались глаза пацанов. Начальную военную подготовку проходили все. Разбирали-собирали оружие с закрытыми глазами, а понятия «отко-ситься от армии» еще не придумали.

Была страна. Боря Иваныч хлопнул «немца» ладонью по станине. Не боялись стоять против половины мира, теперь под них же подстелились. Разорили, обанкротили, разворовали авиазавод, и вороватый хозяин – «средний класс» – надежда и опора Российской экономики –

выжимает последние силы из Бори Иваныча и ворованного старого оборудования, торопясь «нарубить бабла», пока «прет масть».

Мельком глянув на цеховые часы, Боря Иваныч ткнул кнопку «пуск», прислушался к ровному шелесту электромотора, включил подачу молочно-белой охлаждающей жидкости – эмульсии, быстро и аккуратно опустил сверло на стопку заготовок. Сверло, закручивая спирали стружек, плавно пошло в глубь металла. Боря Иваныч повторил операцию на двух других станках.

Начали работу токари и фрезеровщики, наполнив цех рабочим гулом: какофонией беспорядочных звуков, сопровождающих обработку металлов резанием. Работа на трех станках мало располагает к размышлениям, но создает задорный ритм, будоражащий память и чувства.

Простой работяга Боря Иваныч никогда не отделял себя от страны. Жил ее буднями, радовался праздниками, печалился бедами; отслужив «срочную» вернулся на завод.

Представлял Россию почему-то в образе мощной сивой, с развевающейся рыжей гривой, кобылы, звонко высекающей снопы искр из Кремлевской брусчатки. Гордо и независимо косящей фиолетовым взглядом на кривящуюся опасливо Европу. Плыли красные реки знамен в руках открыто и радостно улыбающихся людей и стекали кумачовым ковром на Красную площадь.

– Цок, цок, цок, цок, – сверло-зенкер, ритмично опускаясь, обработало края отверстий. – Щелк! – Фланец занял место в стопке изготовленных деталей.

– Иваныч, – голос начальника смены прервал воспоминания. – Отвлекись. Срочная деталька, маленькая, но противная

– И некому поручить? – «набивая цену», традиционно «поломался» Боря Иваныч.

– Отверстия в трех размерах, выручай, Иваныч. Без тебя никак, – подыграл начальник.

– За час уложусь.

Нестандартная деталь. С индивидуальной разметкой. Станки пришлось остановить.

Запрягли Сивку-бурку в воз перестройки, толкнули с горы. Умный бы правитель вскочил на облучок; понукая, направляя умело, притормаживая в опасных местах, провел бы к ровной дороге. А этот, спереди забежал, начал руками размахивать да языком молоть, «сухой закон» придумал, о двух главных Российских бедах забыв начисто.

Когда еще Михаил Евграфович Топтыгина упрекнул: «Тебя злодейства послали совершать. А ты чижику съел». Дольше страна смеялась только, когда другой «реформатор» захотел чиновников на отечественные «Волги» пересадить. Дороги-то лет через пятьсот мы построим, Александр Сергеевич – «наше все» – лично обещал на каждую станцию по трактиру, а вот с дураками во власти...

Запутал немудрый возница лошадку, и полетела неуправляемая вниз мимо дороги, и опрокинула воз, и разбились горшки; и набросились лихие люди, отхватывая куски мяса, кромсая шкуру едва дышащей животины, непережеванным алчно заглатывали кровавое мясо.

Боря Иваныч швырнул размеченную деталь на станок, закурил нервно, проверяя глазами правильность разметки; крутанул, зажимая, ворот тисков. Неторопливо пошел в «бытовку». Десять утра – время чая.

Главная тема в бытовке – отсутствие большого заказа и, соответственно, заработка. Пролетарии «на подсосе», перебиваются мелочевкой, а платы за кредиты и ЖКХ никто не отменял.

– Когда смело и широко раздают, и даже навязывают, значит, уверены, что смогут вернуть, – горячился пожилой токарь Петрович. – Коллекторы наедут или судебные приставы, еще не разберешь, что хуже?

– Закона о коллекторах нет, а агентства по вышибанию долгов вовсю орудуют, – поддержал массивный молодой фрезеровщик Толян. – Ни один прокурор не возмутился. Стало быть, в доле.

– Политика такая, на крючке народ держать, – Петрович вытащил из бокала набухший чайный пакетик и бросил в мусорное ведро. – Опутали народ кредитами, долгами, штрафами, и, пока не расплатишься, вроде как, нет морального права на протест. На корню подрезают народные волнения.

– А ты не волнуйся, – насмешничал Толян, – целее будешь. Давай, Боря Иваныч, выскажись авторитетно.

– И возражать нечего, – поддержал Боря Иваныч. – Дураков в токаря не берут, а умнее токаря может быть только фрезеровщик. – Бытовка ответила смешками. Петрович недовольно покраснел, а Боря Иваныч спокойно продолжил. – Наша очередь волноваться в семнадцатом году придет.

– Ну?! – агрессивно удивился Петрович.

– Не запряг, – легко парировал Боря Иваныч. – Средний класс еще не все права получил. Им и сейчас на законы плевать, но хочется беспредельничать по закону. Вот и обивают Болотные площади да американские пороги.

– Ну, – уже спокойнее ответил Петрович.

– Гну! На работе под Богом ходим. Парню фаланги отхватило: дали четыре тысячи и выгнали, чтоб глаза увечный не мозолил. Пригрозили, пойдешь, мол, в суд, – ноги обломает. Проглотили пролетарии плюху и утерлись. Дальше продолжать?... К семнадцатому должны созреть до бунта, если людьми себя почувствуем.

Встал и, на ходу закуривая, отправился на улицу – в туалет. На обратном пути остановился посмотреть, как идет монтаж нового корпуса. Кое-как уместившийся на десятиметровой высоте среди балок сварщик проваривал укосину. С земли за работой наблюдал хозяин завода, сорокалетний толстячок семитского типа.

Сварщик закончил шов, попятился к следующему стыку. Вставляя в держак новый электрод, крикнул:

– Если свалюсь, костей не соберу. И что тогда?

– Ничего, – спокойно усмехнулся хозяин. – Дадим твоей жене десять штук за бумагу, мол, свалился пьяный с табуретки на кухне. Как раз и на похороны хватит.

– Не хватит.

– Дадим пятнадцать, – хозяин развернулся и неторопливо зашагал к офису.

Боря Иваныч привычно потирая тылом ладони левую половину груди, вернулся в цех. Боль приходила обычно к вечеру, а сегодня, видимо, переволновался. Быстро высверлил отверстия по разметке и отложил «эксклюзивную» деталь в сторону.

Стопочки фланцев в лужицах и потеках эмульсола отразили в чуть замутненном серебре поверхностей опускающиеся сверла. Рабочий ритм пригасил боль в сердце. Стопочки готовых деталей быстро подрастали на полу.

Боря Иваныч мог бы работать и с закрытыми глазами, легко ориентируясь по слуху, какой станок заканчивает рабочий проход, но, все равно, с удовольствием смотрел на гипнотизирующее вращение сверл, извлекающее из памяти давние теплые воспоминания.

Десятилетними пацанами с соседским Колькой устроили соревнования по матюгам. Повиснув с двух сторон на штaketном заборе, азартно и самозабвенно «обкладывали» друг друга многократно слышанными от взрослых и сверстников словесами.

Вечером мать устроила «головомойку». «Ты сегодня матом ругался, а теперь этими руками будешь хлеб брать?» И отмывала, ополаскивала, и снова намыливала Борьку в цинковом корыте; заставила дважды чистить зубы, и снова погнала мыть руки с мылом. Урок на всю жизнь.

Что-то сломалось в жизни, если люди не только после грубого слова, после воровства руки мыть перестали. Обобрав десятки и сотни людей, несут наворованное домой, кормить

и воспитывать своих детишек. Гордо выставляют ворованное напоказ. Не страна, а «ярмарка тщеславия».

После обеда боль усилилась, и Боря Иваныч, переходя от станка к станку, почти не отрывал руку от груди.

– Чего доброго, до всеобщей победы добра над злом не доживешь, – пытался иронизировать Боря Иваныч, но вскоре пришлось сдаться.

Боль накатил волной и поплыла в голову, застилая сознание, а впереди проскакала, вздернулась на дыбы и опрокинулась на спину сивая кобылица с рыжей гривой. В ее грудь, бешено вращаясь, погружались серебряные сверла.

– Надо спасать, – силой воли заставляя двигаться тело, дотянулся Боря Иваныч и выключил два станка. Дотянулся и до третьего, но не последовало спасительного щелчка. Сверло, красно накаляясь, тонуло в сердце Бори Ивановича.

– Эмульсия не поступает, – пробормотал Боря Иваныч и рухнул, рассыпая стопки деталей.

На следующий день хозяева получили долгожданный заказ, и работяги «впряглись» в шестнадцатичасовые смены, старательно догоняя зарплату. Хозяин хотел позвонить вдове и высказать соболезнования, но сначала закрутился-замотался, а потом было уже неудобно.

В день полочки Петрович и Толян попросили работяг собрать денег для вдовы, сами положили по тысяче, двое-трое сдали по двести, остальные по пятьсот.

Включай характер, Борода

*Мы движемся или пытаемся двигаться по дороге
с финишной лентой в конце. Одни с доброй иронией,
уступая и веселясь, другие с отчаянной злостью,
отталкивая и продираясь*

Заметки наблюдателя

*Ждать счастья потом – не конструктивно: если не счастлив
сейчас, то «сейчас» может превратиться в судьбу*

Шимон

– Парень потерял почву под ногами. Отсюда все беды.

– Какие беды? Погрузчик забуксовал при въезде на эстакаду и рассыпал ящики с поддона, – Данила отошел от окна и, закуривая, присел на край стола. – Сейчас соберет и поедет дальше.

– Юрка – выдающийся карщик, – запальчиво возразил Андрей. – Так облажаться он мог только по серьезной причине.

– Не заводись. Если б не суббота, ты бы не торчал у окна, подмечая от скуки чужие проколы и создавая на пустом месте проблемы, а мотался по складам с накладными и доверенностями.

Данила и Андрей работали у отца – хозяина продовольственной базы, совмещая должности снабженцев, экспедиторов, логистов, мастеров, менеджеров. Тридцатилетний Данила, высокий, плотный, мужиковатый, – «тащил на себе» административную часть. Младший Андрей, стройный и гибкий, держал в руках оперативную работу: погрузку, отгрузку, приемку товара, руководил работой комплектовщиков и водителей каров-погрузчиков.

Юрка, по прозвищу Борода, злобно оглядываясь, заранее представляя насмешливые ухмылки работяг, собирал на поддон разбросанные ящики. Въезд на эстакаду – пандус – крутоват, а сегодня еще обледенел. Водители всегда чувствовали себя на нем неудобно. Только Юрка, единственный из всех, преодолевал подъем с ходу; работая гидравликой и газом, уверенно, не шелохнув груз, влетал на эстакаду и мчался дальше к нужным воротам.

А вот сегодня «обломался»: левое переднее закрутилось, забуксовало на обледенелом пяточке, кар встал боком, и ящики полетели с поддона вниз.

– Надо блокировку включать. Я всегда здесь включаю блокировку, – забубнил невесть откуда взявшийся Витька Клюев – коллега, мать его. – Потому что без блокировки забуксуешь...

– Гуляй подальше.

– Я помочь хотел...

– Ну что тебе стоит не помогать? – враждебно-просительно откликнулся Юрка. – Иди уже.

Еще не хватало слушать советы от Витьки – карщика без году неделя. Знал Юрка и о блокировке, и в какую сторону руль крутить, и как газовать, и куда груз наклонять, да только голова другим занята.

Тридцать пять – другие один раз жениться не успевают, – а от Юрки третья ушла. Ну и черт бы с ней, но вчера заявила кукла расфуфыренная и попросила «десять штук» в долг без отдачи. Типа, у нового самца холодильника в доме нет, а без этого агрегата молодым никак, и Юрка должен войти в положение, поскольку «милый, ближе у меня никого нет.»

– Слушай, милая, – грубо ответил Юрка дрожащим от негодования голосом. – Была ты моя милая, и моя зарплата была твоей. А теперь ты не моя милая, и зарплату я трачу на себя...

– Козел! Сдохнешь тут... – хлопнула дверью бывшая.
– Стой! – крикнул вслед Юрка. Вышел на крыльцо. Отсчитал пять тысяч. Сунул женщине в руку. – Больше не могу, извини.
– Юра, ты самый... лапочка. Ты лучший. Если этот гад меня кинет, я к тебе вернусь.
– На, – Юрка достал портмоне из заднего кармана; вздохнув, нащупал между техпаспортом и водительским удостоверением «зачапку» – пятитысячную купюру. Протянул недрогнувшей рукой. – Забудь сюда дорогу.
– Юра, а хочешь?...
– Иди уже, ... что жены – самые дорогие проститутки, я и до тебя знал.
– Вот, все вы такие, – торопливо зацокала каблучками к калитке. – Хамоватые хлопчики. Натуральные сволочи.

Юрка купил бутылку водки и за вечер, потихоньку убираясь в гараже и кляня свою нескладывающуюся семейную жизнь, выпил до доньшка. Ночью просыпался, курил: «Опять поимели. Никому отказать не могу. Был бы бабой, по рукам затаскали. А... И мужиком,... только ленивый не трахает.»

Утром пришлось начать работу с замены колеса. «Гастарбайтеры» – мужики из провинции, работающие вахтовым методом, не останавливаются круглые сутки и к утру «поймали» гвоздь. Еще и на них паши! Быстро заклеил камеру, выехал из гаража и на первой езде так сплеховал.

По субботам и воскресеньям база не отгружала товар, работая только на прием и внутреннее обустройство. Данила и Андрей могли позволить себе расслабиться, поболтать, а то и выпить на досуге.

– Все, повез, – Андрей так внимательно вглядывался в окно, что Данила не выдержал и подошел.

– Андрюх, ты напрягаешься, будто сам рулишь. В порядке информации: кары въезжают на эстакаду тысячу раз в день и порой рассыпают груз.

– Только не Юрка. Он мастер. Поверь слову гонщика.

– Гонщика на джипах, – насмешливо уточнил Данила. – Извини, но ваше барахтанье в грязи, пусть и на полноприводных тачках, называется не «гонка». И сами вы – последние из могикиан: все тропинки протоптаны, бездорожья не осталось, ... и хорошо – зачем оно нам?

– Наши гонки – преодоление препятствий. Главное слово – «преодоление». Проверка машины, себя.

– Проверить себя? Эта максима в последнее время здорово девальвирована. Теперь говорят: «Искать на жопу приключений.» – Данила развлекался, насмешливо посматривая на брата. – На оборудованной трассе...

– Мчаться по асфальту – большого ума не надо. Точнее, совсем не надо: чем меньше ума, тем больше скорость.

– Кар едет медленнее джипа да еще груз везет, – Данила засмеялся. – Вот мечта умного гонщика.

– Самую суть уловил нечаянно, – улыбнулся в ответ Андрей. – И соревнования карщиков наверняка проводятся. Посмотрю сегодня в инете, и отправим на них Юрку для повышения самооценки

– Твоей?

– Его, – Андрей смотрел серьезно. – Вернем парня к жизни, и, может быть, сами станем лучше.

– Ну, тебе это не грозит.

– Неужели так безнадежен?

– Шучу. Никто не знает точных параметров хорошеести человека. У бомжа одни, у олигарха другие. Ты себя к кому?

– Я бы предпочел общечеловеческое и среднестатистическое, – не поддержал веселья брата Андрей. – Снобизм – это противно.

Данила, попыхивая сигаретой, бродил по офису, изредка посматривал на копающегося в накладных Андрея. Обдумав ситуацию, остановился напротив брата.

– Плохая идея. По большому счету, мне плевать на чужие проблемы, пока они не мешают работе. В противном случае, на место Юрки придет Федька, Пашка, Серега и далее по святым – за воротами у нас длинная скамейка запасных.

– На которой мы не сидим, потому что папа – босс.

– Как все запущено! – Данила насмешливо прищурился. – Без папы мы никто и звать никак! Батя, заметь, уже года четыре на базе не появлялся. Всем управляю я, ну и ты – на посылках, как золотая рыбка у известной старушки.

– Управляешь, но это характеризует батю, как умного, опытного, дальновидного бизнес-фатера. Он создал работающий проект, поставил во главе относительно адекватного топ-менеджера – тебя, а не ветреного, импульсивного меня, который давно бы пустил все накопленное по ветру, катаясь в рабочее время на джипе по Российскому бездорожью, – Андрей откинулся на спинку стула. – Пора признать, брат, что мы не только ничего не создали, но и, очень возможно, не способны создавать.

В десять работяги отправились на получасовой перекур, и Юрка Борода шустро завернул в гараж. Еще утром, меняя колесо, заметил масляное пятно на нижней крышке картера и только ждал момента «протянуть» в круговую крепящие болты.

Возня с машиной, особенно с двигателем, доставляла Юрке чувственное наслаждение. Болты подавались на четверть оборота, и, двигаясь последовательно от одного к другому, Юрка, сопя от удовольствия, уползал по постеленной дерюжке все глубже под погрузчик, и привычно крутился видеороликом в голове детский сон.

Он бежит по выскакивающим под ноги из голубого чистого неба бело-серым облакам, не проваливаясь в воздушную мягкую вату. Озоруя, старается наступать на освещенные солнцем белопенные гребешки. К встающему солнцу, в светлое завтра, которое непременно наступит.

К последнему болту пришлось тянуться особенно далеко. Юрка запыхтел, заскреб пятками бетон.

– Борода, – голос начальника остановил работу и смазал хорошее настроение.

Юрка выпростал голову и снизу вверх из-за колеса глянул на Андрея.

– Ну?

– Ответь на простой, но важный вопрос. Почему я не рулю на погрузчике?

– А на хрен оно тебе нужно? – Юрка ответил недружелюбно и хрипло, но Андрей лишь рассмеялся.

– Кто из нас еврей, Борода? Отвечаешь вопросом на вопрос. Я не сажусь на погрузчик, потому что лучше тебя управлять им невозможно, а хуже – стыдно.

– Твои проблемы, – Юрка дотянул последний болт и остановился, выжидательно глядя на мастера.

– Нет, Борода, теперь твои. Я с Данилой поспорил, что ты лучший в мире карщик, и сделаешь всех в ближайшую субботу. Для начала на наших складах. Пospорил, заметь, на коньяк.

– А мне нальют?

– Два... От меня лично. У нас двадцать машин. Обгони всех, и два коньяка твои.

– Поставишь два коньяка, чтобы выиграть один у Данилы? – Юрка засмеялся. – Кто из нас русский – ты или я?

– Там посмотрим, главное, не подведи, – Андрей серьезно глянул на Юрку и повернулся уходить. – Кстати. Вчера пролистал интернет: американцы называют погрузчики «Форклифт» – «вилы» и «поднимать». Вместе «поднимать вилами». По-моему, неплохо звучит.

– Тупые твои американцы, и названия у них... так себе.

– Ладно, не заводись. Предупреди мужиков, и продумайте предложения по программе соревнований: на скорость, маневренность, грузоподъемность, чтоб все солидно. Ферштейн?

– Ес.

Андрей, осматривая стоящие погрузчики, пошел не спеша по гаражу. Высокий, длинноногий, небрежно пнул в сторону стены валяющуюся мазутную тряпку. Юрка, постукивая ключом по сиденью, задумчиво смотрел вслед: «Не знал бы по работе, назвал бы раздолбаем.»

– Андрей, я не буду участвовать.

– Варум? Почему? – Андрей остановился, постоял, глядя в недоумении на карщика, и вернулся.

– Не хочу никого обгонять, «делать» и быть первым. Старый уже для таких игрушек

– Даешь! Сколько тебе? Тридцать пять? Одна бабушка в бодибилдинг пришла в семьдесят, а сейчас чемпион мира.

– Соперники умерли?

– Это сыграло свою роль, – Андрей засмеялся, следом улыбнулся и Юрка, – но бабка жива и счастлива. Борода, включи честолубие. Будь первым и гордись собой.

– Нет! – Юрка твердо глянул в глаза Андрея. – Вы для развлечения затеваете крысиные бега, а я не хочу быть крысой.

– Борода, я уже называл тебя грубым?

– Ну...

– Пусть для развлечения, хотя это и не так. Давай назовем гладиаторскими боями.

– Нет!

– Ладно. Впереди еще неделя, и матч состоится при любой погоде.

Слухи о предстоящем соревновании взбудоражили предприятие. Карщики восприняли известие как сигнал к началу тренировок. Быстро подхватывали поддоны, мчались с грузом по пандусам, эстакадам, рампам, точно и быстро разгружались в кузова фур и, лихо развернувшись «на пятачке», летели за новой партией товара.

База и раньше работала неплохо, но теперь ощутимо рванула вперед, будто подталкиваемая мощным паровозом. Вдвое быстрее освобождались вагоны, комплектовщики, действуя по отлаженным схемам, собирали требуемый ассортимент. Фуры, не успевая собраться в очередь, сразу от ворот направлялись к рампам. Правило – два кара на машину – «сломали» почти сразу. Закончившие грузить «свои» машины, отправлялись помогать другим.

Андрей перед обедом забежал в офис, радостно свалился в кресло:

– Давай машины, Данила. Обзванивай, переноси на раньше. Мы уже на три фуры впереди графика.

– Звоню, – хмуро отозвался Данила. – Все загрузите, чем заниматься будете до пяти?

Андрей удивленно глянул на брата:

– Ты будто не рад. У нас впервые нет очереди перед воротами. Кары, как на крыльях летают, народ улыбается.

– Воодушевленный предстоящим зрелищем. Очевидно, хлеба уже хватает?

– Не с той ноги встал?

– Развлекаюсь, пытаюсь получить удовольствие от своего занудства. Давай, я нарисую приказ: пять тысяч за первое место...

– А меньше, слабо?

– Семь тысяч за первое место, за второе – пять, три – за третье. Нормально?

– Я и раньше считал тебя мудрым...

– А последний выбывает с базы как слабое звено.

– Жестко, – улыбка сползла с лица Андрея. – Нельзя так... с людьми.

– Но справедливо, – Данила насмешливо смотрел на брата. – С людьми так можно. Скажу больше: с людьми так нужно. Конкуренция – основа рыночных отношений. Сильные хватают бонус, слабые подметают улицы... подошвами изношенных кроссовок.

– Мы собирались поблагодарить лучших, а не избавиться от последних.

– Ты собирался. А я решил совместить, и заодно сверкнуть оскалом капитализма: кто платит, тот и ставит условия.

– Размечтался, – Андрей улыбнулся, найдя решение. – Пока мы управляющие у капиталиста, поэтому погоди с условиями.

– Я подумаю.

К концу смены в гаражах было не протолкаться. Карщики мыли, чистили, подкрашивали, крутили болты и гайки на своих «Поршах» и «Тойотах».

Сергея Хохол оклеил стойки кабины разноцветной клейкой лентой. Идею тут же «украли», несколько раз перешерстили кучу использованной упаковки, и все остальные кары засверкали разноцветьем полиэтилена. Хохол, недовольно сопя, вырезал и наклеил на лобовую доску крыши голубые буквы – «Хмарка». Решил технике имя дать. «Облачко» – простенько, со вкусом, и о Родине напоминает.

Придумку подхватили, скорее первой. Всякий, управляющий машиной, подозревает в ней наличие души, и карщики, проводящие за рулем треть, а то и половину суток, уже давно общались со своими железными конями голосом равного или неравного, хозяина или подчиненного, друга или соперника.

Каждый погрузчик имел характер, норов, повадку, ухватку и, конечно, имя. Сергей озвучил свое отношение к почти новенькой двухтонной «Тойоте», и скоро все погрузчики гордо выпячивали свои запечатленные в именах достоинства. Стремительный и брыкливый от постоянных неполадок с коробкой передач «Порш» Вася Кучерявого получил размашистую надпись на борт «Мустанг», а его тяжеловесный трехтонный собрат, заводящийся с «пол толчка», но работающий с визгом и треском, был обозван «Жириновским».

Витька Клюев суматошно метался по гаражу, нервно курил, причитая:

– Все названия расхватили: Мустанг, Дракула, Чебурашка, Шварц. А Шварц – это что?

– Черный, – малорослый молодец Женька, любовался надписью.

– А если попробовать отмыть?

– На себя посмотри. Черный, – это его естественный цвет, а еще Шварцнегер – крутой бодибилдер – рыцарь Голливуда.

– А я хотел Мустангом назвать. Типа, конь для ковбоя, да Вася опередил.

– Назови «Тормоз» или «Лох» – самое то, – под смех окружающих посоветовал Женька.

– Быстрым назову, типа, не догнать, – объявил Витька, и смех перешел в хохот.

Действительно, Витькин погрузчик частенько тормозил и плелся на скоростных участках или, наоборот, стремительно бросался вперед, где требовалась чуткая работа «на мягких лапах». Погрузчик «показывал характер» или Витька «не догонял», или сливались качества коня и всадника в ненужном, неуместном и несвоевременном резонансе – бог весть, но неудобство от их совместной работы ощущали все.

Утром Юрка Борода почувствовал себя неуютно среди бьющей по глазам мишуры. Кары пролетали по двору, сверкая рекламными наклейками и товарными знаками популярных фирм и торговых домов. Каждый второй рекламировал туалетную бумагу Зева-плюс и прокладки Олвис-пласт – этикеток этих товаров на свалке нашлось особенно много. Задние борта погрузчиков «украсили» надписи-предупреждения: «Не уверен – не обгоняй!», «Иду по приборам!», «Попробуй догони!», «Что, съел?!», – проиллюстрированная факом.

Имя своей двухтонной Тойоты Юрка Борода никому не открывал да и сам произносил не часто. Только в трудных ситуациях, перед особенно крутым подъемом или непредсказуемым спуском или работой на грани опрокидывания, трогал ласкающим поглаживанием эбонит

руля: «Ну, Маша, давай», – и погрузчик, утробно поуркивая дизелем, подбирался, напрягал колеса, включая свое управление в нервную систему хозяина, и становился продолжением его тела: рук, ног, вестибулярного аппарата. Когда молодые водилы, хвастаясь, пытались задвинуть «рогом» спичечный коробок или шелкнуть зажигалкой, Юрка усмехался – фокусники.

Маша, Мария. Первая любовь, первая жена. От нее ушел в армию. Наказал ждать, а вернулся с другой. Сколько их потом было. Лет пять назад, устроившись водилой на базу, встретил Марию на складе запчастей. Сходила замуж неудачно, сейчас дочь в институте учит. Разговора сразу не получилось, а потом и вовсе примелькались: здоровались и проходили мимо. Тянуло зайти поговорить, но давило грузом чувство вины, и проходил Юрка, глаза пряча.

На обед подкатил с опозданием и застал в столовой оживленную дискуссию.

– И кто же у нас в понедельник станет безработным? – проорал, энергично размешивая чай в бокале, Серега.

– Надо голосованием определить. И пусть катится.

– А я предлагаю последнего расстрелять, – веско заявил Кучерявый и оглянулся, ожидая смеха. Никто не поддержал.

– Что у вас тут? – Юрка присел за стол, начал доставать из пакета обед: банку супчика, хлеб, сало.

– Объяву шеф повесил: кто последний на финише – вылетает с работы.

– Тогда не суетитесь: я не участвую, значит, и вылечу.

Недолгую тишину прервал Серега Хохол:

– Тогда с кем бороться мне? Я реально не вижу соперников. Давай, Маша, возрази.

Двухметровый, сутулящийся Маша пренебрежительно глянул на Серегу и с недоумением повернулся к Юрке:

– Интересно, Борода. Я второй день прикидываю, как сделать тебя на повороте, а ты не участвуешь? Не с Хохлом же возиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.